

в словесности другой славянской страны. Их переводы и подражания им сливались с современными попытками в области чешского стихосложения, которые должны были проверить природные свойства чешского языка и дать ему возможность найти свое применение в новом, усовершенствованном стихе. Челаковский не был строгим сторонником и ревнителем метрической поэзии, хотя ею тоже пользовался. Последовательный тонический принцип народной русской поэзии он понимал также как противовес рекомендуемому в то время метрическому стихосложению, и, реализуя его в переводах русских песен, он доказывал, что к тоническому стиху как таковому не относятся возражения, направленные против силлабо-тонического стиха предшествующей школы. Тонический принцип является динамическим и открытым, его никак не касаются упреки в механичности, которые могут относиться только к силлабо-тонике как закрытой системе, где действительно не хватает чувства времени, так как время здесь не движется вперед, а вращается по кругу одинаково длинных стихов и одинаково длинных строф.

Внешнее оформление песен не было, конечно, единственным критерием, определявшим выбор Ф. Л. Челаковского. В его собрание не вошла, например, ни одна песня о гостинином сыне, хотя по подсчету И. Н. Розанова в первом томе сборника Чулкова имеются три такие песни (№ 160, 183, 189).¹⁷ Это объяснимо тем, что в духе гердеровского отношения к народной песне и — как показал и С. В. Никольский¹⁸ — в духе русской фольклористики начала XIX в., Челаковский считал песню деревенского населения более оригинальной и более правдиво отражающей дух народа, чем городской фольклор.

Отношение Челаковского к народной песне развивалось в совсем другой культурной обстановке по сравнению с той, которая на полстолетия раньше побудила Чулкова включить во вторую часть своего сборника также «песни городского мещанства», среди других и такие, где «речь идет о представителях высшего слоя кушечества, о гостининых детях».¹⁹ Напротив, Челаковский, выбрав песни о добром молодце, даже о крестьянском сыне, не имел никакого интереса к песням о гостинином сыне. Чешский поэт искал такое русское народное творчество, которое могло послужить базой для создания подлинно национальной чешской литературы.

Таким образом, хотя Чулков руководствовался общественными и эстетическими идеями, несколько отличавшимися от тех, которые вдохновляли Челаковского, «Собрание разных песен» сыграло немалую роль в поисках новых путей чешской поэзии XIX в.

¹⁷ Розанов И. Н. Песни о гостинином сыне, с. 223.

¹⁸ Никольский С. В. К вопросу о знакомстве Ф. Л. Челаковского с русской фольклористикой начала XIX века, с. 359—366.

¹⁹ Розанов И. Н. Песни о гостинином сыне, с. 223.